

Лунг был зол.

Никак иначе нельзя было назвать тихую, неотступную ярость, охватившую его, кипящую под каждой чешуйкой, стягивающую каждый нерв и сухожилие. И в отличие от неистовой ярости, за которую его боялись и которая обрушивалась на врагов с необоримой мощью, эта - затягивалась. Она росла вместе с запахом дождя и грозы, зарывалась глубже с каждым тревожным сном. Гнев не давал сил, не разжигал огонь. Он был необычным, и это раздражало Лунга.

Даже смешно, что один-единственный вопрос смог пронзить его так глубоко.

Дерзость, с которой кейп отнесся к его дому, можно было простить при должном послушании. Даже её слова можно было бы забыть, если бы её как следует наказать. Но не то, что произошло после того, как Ли подхватил его на руки, вынес из святилища и уложил отдыхать с бутылкой виски и ненужными бинтами:

— Выпей немного, чтобы заглушить боль. Твоя маска расплавилась, я срежу ее с тебя, — спокойно произвёл Они Ли.

— К черту боль, это ерунда! Где эта сука, я...

— Кента, пожалуйста.

— ...что ты сказал?

— Твоя маска расплавилась. Я сниму её с тебя.

— Нет. Ли, ты... ты помнишь мое имя?

От этого нельзя было отмахнуться.

Немыслимо, чтобы один-единственный вопрос оказался таким болезненным. Нужно было разобрать во всём.

/-/

— Ли. Как меня зовут?

— Ты - Лунг. Тебя зовут Кента.

/-/

— Ли. Как тебя зовут?

— Они Ли.

— Твое настоящее имя.

— ... я не помню.

/-/

— Ли. Как мы встретились?

— Ты пришел и сокрушил всех, кто выступил против тебя. Ты убивал всех, кто не хотел склониться. Я склонился.

/-/

— Ли. Где ты жил до этого?

— ... Фукуока. Я жил на Фукуоке.

/-/

— Ли. Почему ты служишь мне?

— Ты самый сильный.

/-/

— Ли. Почему ты служишь мне?

— Потому что ты захватил контроль над территорией. Я живу на этой территории.

/-/

— Ли. Почему ты служишь мне?

— Я... я просил. Да... Я попросил тебя взять меня на службу. Дать мне направление.

/-/

Каждый день он задавал вопрос, и ответы менялись, мало-помалу. Каждый день Лунг занимался своими делами, как обычно, и издалека наблюдал за святилищем и тем, как оно все сильнее захватывает его территорию. Каждую ночь его сон был тревожным, а сны - глубокими. Ему снилось, как что-то дышит у него за шеей, и это дыхание отдавало озоном. Ему снился дождь, такой сильный и неумолимый, что он мог бы плыть по воздуху. Он пытался ударить по дождю, разбить капли о когти, но никто не мог бороться с дождем. Он мечтал утонуть.

Дни были простыми, он мог отложить свои вопросы и начать действовать. Он обходил свои владения, организовывал натиск на Империю, со злостью топал навстречу наемникам Выверта, когда те осмеливались посягнуть на его владения, и разгонял их, как мышей.

Ночи были тяжелыми. Ночью, несмотря на женщин и спиртное, находилось время подумать. Задуматься.

— Ли. Организуй встречу с кейпом святилища.

Одними размышлениями дело не исправишь. Ему нужно было действовать.

/-/

Тейлор выскочила из дома, как только позавтракала и попрощалась с отцом, и направилась к святилищу так быстро, как только мог нести её велосипед. Солнышко бежала рядом, её яркая ухмылка издевательски контрастировала со сжимающимися бабочками в животе Тейлор. Уже суббота... Почему у нее не могло быть больше времени? Все возможные сценарии, которые могли бы пойти не так, вертелись в её мыслях, пока они не добрались до святилища, после чего главная Баа-чан не дала ей больше пространства для размышлений. Её привели в порядок, одели, дали подробные инструкции и следили, как ястребы, за тем, как она расставляет утварь, уголь и чаши, которые ей понадобятся.

И несмотря на все её приготовления, на всю работу, проделанную бабушками, все равно ничего не получилось, потому что...

Перед одиннадцатью раздался автомобильный гудок, привлечший взгляды и осуждающее щелканье языком со стороны собравшихся. Соута вышел с водительского сиденья побитого автомобиля, затем направился к багажнику и достал плоскую, тяжелую на вид деревянную коробку. С недовольным видом подросток подошел к святилищу.

— Мико! Какой-то парень подбросил это ко мне домой и велел передать тебе.

— А? Кто? И почему, я ведь ничего не заказывала, а если бы заказала, то... — Тейлор сделала паузу. Она ничего не заказывала, но... Она повернулась и посмотрела на Солнышко, которая

так яростно виляла хвостом, что её задница елозила по земле.

— Солнышко, клянусь Ками, если ты ещё раз воспользуешься кредитной картой моего отца...!

Волчица проигнорировала её, подбежала к Соуте и стала путаться под ногами. Подросток поставил коробку на землю так осторожно, как только мог, а когда Солнышко засучила лапами и заскулила, закатил глаза и достал нож, чтобы помочь открыть коробку. Тейлор успела разглядеть внутри бесформенную, комковатую массу, прежде чем Солнышко сунула голову в ящик и недовольно зарычала.

Баа-чан бросила на волчицу беглый взгляд, а затем решила допросить Соуту - так у нее было больше шансов получить ответы. — Соута, кто принес тебе это?

— Не знаю. Какой-то парень.

— Соута, что я тебе говорила о том, что нужно быть внимательным?

Он нахмурился. — Какой-то иностранный парень.

— Что ж, лучше, чем ничего... Мико, ты не знаешь, в чем дело?

Было слишком много возможных вариантов того, что могло понадобится Солнышко. Так что Тейлор подождала, пока волчица закончит свои дела и отойдет от коробки - или попытается это сделать, так как та тут же задрала голову вместе с посылкой. Тейлор аккуратно вытащила её, а затем присмотрелась к содержимому посылки. После флейты она не могла сказать, что удивлена.

— Похоже на настенный свиток. В конце концов, он нам нужен. Спасибо, Солнышко, — она потрепала волчицу за уши, и та практически излучала самодовольство. Быстро распаковав свиток, Тейлор помогла его повесить. Когда она вынесла свиток на свет, одна из Баа-чан сняла очки, чтобы рассмотреть его поближе. Её морщинистая рука прикрыла рот, и она начала быстро говорить по-японски. Тейлор заметила слезы на глазах старухи.

Тейлор повернулась к другой Баа-чан и тихо спросила, пока другие бабушки утешали расстроенную представительницу их рода. — Что случилось? Это... это плохая картина?

Баа-чан поджала губы и поправила свиток на бамбуковом подвесе. — ...нет, Мико, это хорошая картина. Очень хорошая. Просто мы не ожидали увидеть её снова, — и тут она сделала то, чего Тейлор никогда не видел: вздохнула и закрыла глаза. Солнышко рысью метнулась вперед, просунула свою мохнатую голову под руку старухи и осталась там, пока бабушка не улыбнулась и не погладила волчицу.

— Лунг спросит об этом — он обязан будет спросить. Давай я расскажу тебе о том, что что это

такое, и ты сможешь ответить Лунгу в случае чего.

/-/

Когда они подъехали к святилищу, Лунг отослал водителя, а Ли велел оставаться снаружи и быть начеку. Убийца поклонился и занял позицию у входа на мощеной дорожке святилища. Лунг вошел внутрь в одиночестве.

Чайная церемония, как никак. Чертовы бессмысленные ненужные ритуалы. Он помнил о них с юности, когда мать несколько раз в год просила его принять участие в церемонии, всегда в качестве гостя. По правилам приличия он должен был прийти в хорошо сшитой хакаме¹ или, может быть, в костюме. Приличная церемония была исключительно официальной или близкой к этому.

Лунг прошел под ториями в черных штанах, с голой грудью и в маске. К черту приличия, он был драконом.

Мико встретила его у входа в... какую-то конструкцию, сложенную из бамбуковых палок. Возможно, оно должно было заменить собой здание или просто украсить циновки татами, чтобы они не казались просто причудливым одеялом для пикника. Мико была одета прилично, в красно-белое кимоно с вышивкой из цветов и листьев, а её волосы были собраны в декоративные гребни. Она заметила его скудную одежду и босые ноги, и её бровь раздраженно дернулась. Ха.

— Добро пожаловать, почетный гость, — она постаралась придать своему голосу мягкость. — Если вам будет угодно, я хотела бы продолжить на английском. Боюсь, мое произношение на японском всё ещё оставляет желать лучшего.

— Это не слишком радует меня, но это оскорбит меня гораздо меньше, чем то, что ты коверкаешь мой язык, — Лунг с удовлетворением наблюдал за её легким вздрагиванием. Пусть это и мелочь, но ему нравилось её раздражать. Его сила была спокойна, ничуть не напрягаясь, несмотря на воспоминания об их последней встрече, как будто она совершенно не представляла для него угрозы. Его раздражало, что огонь не подчиняется ему, когда он знает, что лучше.

— Тогда, пожалуйста, следуйте за мной, и мы начнем, — она повернулась и осторожно вошла в бамбуковое строение, явно не привыкнув надевать сандалии и кимоно. На это было потрачено больше усилий, чем он ожидал, но фарс оставался фарсом. Он решил отбросить остатки «ритуала» и перейти сразу к делу. Он сделал один шаг вперед и остановился, когда в поле его зрения попало что-то белое. Лунг повернулся и посмотрел в сторону святилища.

Холодный адреналин пронзил его желудок, заставив удивленно обернуться. Они Ли упоминал, что, по его мнению, это дух волчицы, но Лунг не ожидал увидеть ничего подобного. Он также не ожидал, что иллюзия окажется такой грандиозной. Свирепый зверь был огромен, он был похож на волчицу с таким белым мехом, что тот почти светился, и она сидела на ступеньках

хондэна и смотрела прямо на него. Она даже встретила с ним взглядом, чего не принято делать у диких животных.

Лунг поднял глаза вверх и, несмотря на ситуацию, посмотрел на небо. Там висели редкие облака, которые медленно и неспешно плыли. Когда он отвел взгляд, волчица по-прежнему смотрела на него, не моргая. Он сделал осторожный вдох и уловил запах шерсти и чего-то ещё. Он видел, как на вдохе его ребра расширяются. Если это и был какой-то трюк, а не зверь, то очень убедительный. Он отвернулся.

Лунг последовал за кейпом к циновкам татами. Он поклонился, вошел и уселся на татами. Он наблюдал, как она занялась своими делами, но вместо того, чтобы достать уголь, она... открыла коробку с грелкой? До его носа донеслись запахи прекрасно приготовленной трапезы. Лунг порывался в памяти, пытаясь вспомнить, чему его учила мать.

— Что это за церемония? — он сдался и спросил.

Она замешкалась, возможно, её немного смутило то, что он её прервал. — Сейчас октябрь, так что мы прощаемся с летом. Это Нагори-но чадзи².

Чадзи? Официальная церемония? Ему придется сидеть в догэдзе³ четыре часа? Чья это была светлая идея... Ли, ты нечеловечески терпеливый ублюдок. Лунг подавил вздох и отсоединил нижнюю половину маски. По крайней мере, у него будет обед. И, по крайней мере, волчица не сможет смотреть на него все это время. Ни одно животное, как бы хорошо оно ни было выдрессировано, не могло долго оставаться неподвижным, как статуя.

Реальность была иного мнения. Должно быть, этот чертов волк был высечен из камня.

Волчица была даже не самым странным, что находилось в святилище. Он попытался незаметно сломать ветвь бамбука, но, сколько бы усилий он ни прикладывал, у него ничего не получалось, и лишь когда Мико повернулась к нему спиной, Лунгу удалось сорвать с ветки лист, из которого начал сочиться сок. Композиция из чабана стояла не в вазе, а в корзине из переплетенных стеблей, таких же живых, как и все остальные вокруг. Лунг не слишком разбирался в цветочных композициях, да и не интересовался этим, но золотую хризантему узнал без труда. Его так же удивила грядка с четырехлистным клевером, из которой она проросла. Целая грядка, и все они прекрасно росли.

Но все же это было в пределах возможностей кейпа. А вот свиток с рисунком... с ним явно было что-то не так.

Как и следовало ожидать, он изучил рисунок, и рассматривать его было, по крайней мере, интересно. Его мать всегда вешала каллиграфию, но эта картина была пейзажем. Маленькая фигура на берегу реки, под поникшими ветвями большого дерева. Она... показалась ему знакомой. Как будто он видел её раньше. Не лично, он никогда не любил такие вещи, но был уверен, что где-то видел такую картину.

— Интересный свиток. Как он называется?

Мико явно готовилась к тому, что исказит слова на его языке, но все же попробовала. — Он называется «Чжоу Маошу, ценящий лотосы».

Хм. Звучит знакомо. Он протянул руку - под его пальцами лотос казался настоящим. Но ведь это невозможно. Это была подделка. Должна быть подделка. Лунг не сводил глаз со свитка до конца церемонии.

К тому времени, когда Мико подала ему крепкий чай, Лунг был уже сыт. Это была очень вкусная еда, но если бы не его сила, у него давно бы отнялись ноги, и ответов на вопросы он так и не получил. Наблюдая за ней, он ничего не узнал ни о её силах, ни о намерениях, только то, что она от природы неуклюжа, но до боли искренна в своих стараниях. Лунг долго терпел.

— Кейп. У меня есть вопросы, на которые ты ответишь, — она снова слегка вздрогнула, замерев на месте. — И не играй со мной в игры. Кто ты?

— Я уже говорила вам, меня зовут Тейлор, — она поставила чашку с чаем, стараясь не пролить.
— И я не кейп.

Ложь.

— И я здесь не для того, чтобы отнять у вас территорию, или что бы вы там ни думали, что я задумала. Я здесь только ради святилища. Работа в нем делает меня счастливой, вот почему я здесь.

— Вот как. Что ты сделала с Они Ли?

— Что? Я ничего ему не сделала. Он приходит сюда, потому что хочет, он мирный и отзывчивый, так что ему всегда рады.

Дрожь не прекращалась. Лунг почувствовал, как её губы сжались вокруг зубов. — Ты злишься на меня.

— Конечно, злюсь! — она резко обернулась, удивив его. — Ты ударил меня! И ты главарь банды! И ты даже не оделся к церемонии!

Волчица всё ещё смотрела на него. Лунг сдержал свой пыл. — И все же ты приветствуешь Ли? Мою правую руку?

Она поджала губы. — Ли не такой, как ты. Он преступник и убийца, и это ужасно. Но ты выбираешь самые жестокие пути.

— И что это значит?

— Все, — ответила она, затем вздохнула и взяла паузу, чтобы собраться с мыслями. — Ты не просто командуешь людьми, ты управляешь ими с помощью страха. Ты не просто управляешь бизнесом, ты управляешь им через обман, или собираешь рэкетиров, или заставляешь людей платить так, как они не хотели бы.

— Ты наивна. Мир устроен именно так. Я управляю этой бандой, я борюсь с постоянной агрессией Империи. Все это требует внимания и денег. Тебе не нравится, как я все делаю? Жестко.

Мико начала постукивать пальцем по татами, явно расстроенная. — Вы намекаете... что вы конкурируете с другими бандами? Наркотики, оружие, что угодно? Не только за территорию? —она дождалась его кивка, а затем нахмурилась. — Тогда вы уже проиграли, причем «Барыгам».

Да как она посмела. — Объяснись, пока я не разозлился.

— Капитализм. Вы сказали, что для управления бандой нужны деньги, поэтому вы продаете наркотики, оружие, проституток и все такое. Только вот «Барыги» выиграют эту гонку, потому что они всегда будут дешевле и отчаяннее. Вы не можете просто взять и купить ещё, потому что у них всегда будет больше.

— Ты ходишь по тонкому краю. Подумай хорошенько, кейп. Что бы ты предложила, если считаешь, что мои методы так ошибочны?

Она не колебалась, ни капли. — Объединиться.

—... что?

— Предлагать лучший уход и компенсацию, получать лучшие услуги. Качество превыше количества.

— Глупая девчонка. Такие затеи проваливаются, потому что они дорогие и ненужные. Оружие, материалы для борьбы с нацистами? Они не дешевы. Или, может быть, ты не будешь возражать, если они придут и сожгут твоё святилище, а? Черт. Сорвался. Но кейп не ухватилась за его слова — вместо этого её взгляд стал проницательным.

— Другими словами... если бы вам не нужно было сражаться с Империей, вы бы стали делать все лучше?

— Упрощенно, но да.

— Хм... — она замолчала и продолжила свою небольшую церемонию, за что Лунг был ей благодарен. В этом месте было слишком много странностей, и он был уже готов покинуть его. Живые растения там, где они не могли расти, давно исчезнувшая картина, волчица, слишком неподвижная и рассудительная, чтобы быть настоящей... и белая, как все инарийские⁴ лисы, твердила предательская часть его памяти. «Ками», — твердил Ли, такой же беззлобный и терпеливый, каким был всегда. Слуга и посланник какого-то великого бога, и девушка - его слуга.

В этом не было смысла. Боги мертвы, если они вообще когда-либо были живы. Лунг был более чем готов оставить их могилу позади.

Мико вышла вместе с ним из бамбуковой беседки, но вместо официального прощания сделала быстрый шаг вперед и повернулась к нему лицом. Лунг смотрел на нее сверху вниз и ждал.

—... Я признательна вам за то, что вы пришли, но вы вели себя крайне непочтительно.

Его глаза сузились под маской. — И что, по твоему мнению, я должен с этим сделать?

Он почувствовал запах озона? Нет, показалось.

— Вы оставите святилище в покое, поскольку оно изначально не ваше. Это абсолютно безопасное место — никакого насилия, никаких бандитских разборок, — она вздохнула, выпрямляясь, и ухватила за шерсть волчицы, стоявшей у нее под боком, — в тот же миг желудок Лунга сжался. Он не видел и не слышал, как зверь двигался, но в траве позади него виднелись свежие следы, и трава ещё не успела подняться.

— В качестве извинения за непочтительность я хочу две улицы.

...ему пришлось минуту поразмыслить над этим. — Что, прости?

— Улицы. Расширение границ святилища — безопасные пути, по которым люди могут приходить сюда, не опасаясь быть застреленными или растоптанными отъявленными зверями. Я их четко обозначу, — она кивнула сама себе, затем снова взглянула на него. — Вам ещё что-нибудь нужно, почтенный гость?

— Что ты сделала с Они Ли?

—... Я приготовила ему омлет с мирином, как он любит.

/-/

Когда Лунг вышел из святилища, Они Ли был там, где он его оставил, верный и

непримиримый. Убийца быстро отправил сообщение - скорее всего, водителю - а затем предложил Лунгу сигарету из своего пиджака. Лунг предпочитал именно эту марку, но Они Ли не курил.

Поступок был неожиданным и обдуманным - совсем не похожим на Они Ли, которого он успел принять за последние годы.

Он взял сигарету и быстрым движением зажег конец. Пока она не доставляла ему неприятностей, то... пожалуй, улицы были весьма легкой разменной монетой.

Хакаме - традиционные японские брюки, которые носят поверх кимоно. Хакама имеют широкие, плавные штанины, которые выглядят как юбка, но на самом деле разделены посередине, что позволяет ногам двигаться свободно. Сегодня хакама носят в традиционных ситуациях, таких как церемонии чая, свадебные торжества и некоторые праздничные мероприятия. Также хакама используются в некоторых видах искусства, таких как но и в некоторых современных ситуациях, связанных с традициями и религиозными церемониями.

Нагори-но чадзи - это традиционная японская церемония чая, которая проводится в связи с особым событием, таким как свадьба. "Нагори" в переводе означает "долгий путь" или "долгое расстояние", и эта церемония призвана символизировать долговременные отношения, семейную связь и благополучие. Церемония "Нагори-но чадзи" может включать в себя приготовление и подачу чая в специальных условиях, соответствующих событию, и часто сопровождается религиозными обрядами и традиционными ритуалами. Она служит символом уважения к предкам, связям семьи и продолжению традиций важных семейных моментов.

Догэдзе - это специфическое сидячее положение, которое используется при зен-медитации. Человек сидит на полу, обычно на толстой подушке, ноги скрещены в лотосе или полу-лотосе, руки держатся в определенном положении (обычно в форме мудры) и спина прямая. Эта поза помогает создать устойчивую и уравновешенную основу для медитации.

Инарийские лисы - также известные как кичунэ в японской мифологии, являются частью фольклора и верований. Инуари (Inari) - это бог сельского хозяйства, рисового урожая, процветания и богатства в шинтоизме, а лисы, или кичунэ (kitsune), считаются священными посланниками Инари.